

ШЕСТНАДЦАТ СИМВОЛОВ

1A2B 3C4D 5E6F
5E6F 7890 ABCD
EF12 3456 789A

ПАПА ЛЕВА = НАВСЕГДА

СВЕТЛАНА КАЧАЛОВА

Светлана Качалова

Шестнадцать символов

<https://litres.ru/73985728>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он оставил бэкдор в прошивке боевого снаряда и забыл. Через два года его сын ввёл эти шестнадцать символов в блиндаже за четыре секунды до удара. Ещё через три месяца отец узнал об этом. Виктор Лапин — ведущий инженер-взрывательщик АО «ЗАСЛОН». Три месяца назад его девятнадцатилетний сын Лёва, оператор FPV-дронов, погиб от снаряда с умным взрывателем «Калибр-9». Разработка Виктора. Перебирая старый код, он находит отладочный вход. Шестнадцать символов. Теперь Виктор сидит в ночном ангаре полигона. Перед ним — ноутбук с готовым рапортом. Одно нажатие — и он признается в уязвимости, потеряет карьеру, свободу, имя. Но получит доступ к телеметрии последнего боя. Рядом — майор Кречет, начальник службы безопасности. Он знал о бэкдоре. Лёва рассказал ему. «Шестнадцать символов» — это рассказ о коде, который стал исповедью. Об инженерной ошибке, которая оказалась посланием. И о том, что некоторые уравнения не требуют решения — они требуют, чтобы их запомнили. Навсегда.

Светлана Качалова

Шестнадцать символов

ШЕСТНАДЦАТЬ СИМВОЛОВ

До

Виктор оставил отладочный вход – бэкдор – в прошивке «Калибра-9» во вторник. В среду собирался убрать. Во вторник вечером выпил пива, посмотрел футбол и забыл.

Через два года его сын ввёл эти шестнадцать символов в блиндаже за четыре и две десятых секунды до удара.

Ещё через три месяца Виктор написал рапорт. И теперь сидел в ангаре, не в силах нажать кнопку «Отправить».

1. Прибытие

Виктор приехал на полигон в десять вечера.

Дорога заняла час сорок. Он ехал по пустой трассе, мимо спящих посёлков, мимо заправок с одинокими фонарями, и думал о том, что в багажнике лежит зимняя резина, которую он обещал сменить ещё в ноябре. Теперь январь. Резина лежит. Лёва всегда менял её сам – приезжал в отпуск, закатывал рукава и говорил: «Пап, ну кто так затягивает гайки, ты же инженер». Виктор отшучивался: «Я инженер-взрывательщик, а не механик». Лёва смеялся. У него был хороший смех – открытый, на весь гараж.

Теперь резина лежит в багажнике. Виктор не может заставить себя её поменять.

Охрана на КПП знала его в лицо. Пожилой прапорщик Михалыч, служивший здесь, кажется, с основания полигона, поднял голову от монитора.

– Виктор Петрович? Поздновато вы.

– Не спится.

– Это да. Сейчас многим не спится.

Михалыч приложил пропуск, махнул рукой – проезжайте. Он не спросил, зачем ведущий инженер-взрывательщик приехал на объект в такое время. За двадцать лет службы он привык, что инженеры – странный народ. Могут спать на раскладушке в ангаре. Могут запускать симуляции в три ночи. Могут неделями не выходить за ворота. Михалыч не лез в душу. Он просто открывал шлагбаум.

Виктор припарковался у ангара номер четыре. Старое здание ещё советской постройки – бетонные стены, ржавые балки, высокие ворота, способные пропустить грузовик с ракетой. Он знал здесь каждый угол. Пятнадцать лет назад он въехал в этот ангар с чертежами и ноутбуком. Десять лет назад здесь испытывали первый прототип «Калибра». Семь лет назад он ночевал здесь неделю подряд, когда подводили сроки. Пять лет назад Лёва, ещё школьник, приехал сюда впервые – Виктор устроил ему экскурсию. «Круто», – сказал Лё-

ва, разглядывая стенд с макетами. – «А можно потрогать?» – «Трогай», – сказал Виктор. И Лёва трогал. Всё подряд. Как в детстве – когда разбирал старый приёмник и спрашивал: «Пап, а эта штука зачем?»»

Виктор вышел из машины. Ветер ударил в лицо – сухой, колючий, со снежной крупкой. Январь в этом году выдался злой, даже для этих мест, где минус двадцать считался нормой. Он поднял воротник, но холод всё равно забирался под куртку. Над полигоном висело чёрное небо – ни звёзд, ни луны, только красные огни на вышках. Где-то далеко гудел трансформатор. Пахло машинным маслом и озоном.

Виктор вошёл в ангар. Внутри горел дежурный свет – одна лампа над столом, тусклые плафоны под потолком. Он включил дополнительное освещение. Ангар ожил – загудели лампы дневного света, застрекотал вентилятор в серверной. Виктор снял куртку, повесил на спинку стула. Достал ноутбук. Достал термос с чаем – Ирина собрала, как всегда, молча, не спрашивая, куда он едет на ночь глядя. Она перестала спрашивать месяц назад. Просто ставила термос на стол и отворачивалась к плите. Виктор брал термос и уходил. Так они и жили.

Он сел за стол. Открыл ноутбук. Файл с рапортом был на рабочем столе – он перечитывал его каждый вечер. Три страницы текста. Сухие формулировки: «Я, Лапин Виктор Петрович, ведущий инженер-разработчик изделия "Калибр-9", настоящим сообщаю о наличии в прошивке версии

4.2.1 недокументированного отладочного входа, оставленно-го мной лично в процессе разработки...» Дальше – технические детали. Координаты бэкдора в коде. Оценка уязвимости. Рекомендации по закрытию. И в конце – предложение: оформить бэкдор как официальный протокол аварийной деактивации. Подпись. Дата.

Виктор перечитал последний абзац. Он написал его три дня назад – и с тех пор не мог решить, правильно ли это. Превратить ошибку в протокол. Назвать протокол именем сына. Вшить его в каждый снаряд, который сойдёт с конвейера. Сделать так, чтобы Лёва остался в коде навсегда.

Рядом с ноутбуком лежал гаечный ключ. Обычный, рожковый, на четырнадцать. Облупившаяся краска. Следы ржавчины у головки. Виктор положил его сюда три месяца назад, в первый день после похорон, когда вернулся на работу. Он не мог объяснить зачем. Просто ключ должен был быть здесь. Как якорь. Как напоминание. Как обещание, которое он дал сыну и не выполнил.

Он взял ключ в руку. Металл был холодным. Тяжёлым. Надёжным – такие делали в восьмидесятых, на оборонных заводах, с тройным запасом прочности. Виктор взвесил его на ладони. В детстве Лёва называл этот ключ «волшебным» – потому что им можно было починить всё что угодно. Велосипед. Скворечник. Старый приёмник, который Лёва разобрал и не смог собрать обратно – тогда Виктор сел рядом, взял ключ и сказал: «Смотри, сынок. Инженер не тот, кто

никогда не ошибается. Инженер тот, кто умеет исправлять ошибки». Лёве было восемь. Он запомнил. Он вообще всё запоминал.

Виктор положил ключ обратно. Открыл рапорт. Курсор мигал на кнопке «Отправить».

Он не мог нажать.

2. Выбор

Не из-за Кречета. Не из-за страха перед тюрьмой.

Он не знал, успел ли Лёва.

Телеметрия последнего боя была закрыта. Доступ открывался только после отправки рапорта – таков протокол безопасности, придуманный не им и не для него. Виктор написал признание, но система ещё не знала, что он – автор уязвимости. Она узнает через секунду после нажатия. И тогда – возможно – он увидит последние секунды жизни сына.

А возможно – нет. Возможно, Лёва не успел. Возможно, в логах пусто. Возможно, бэкдор не сработал – помехи, глушилки, расстояние, что угодно. Война – не полигон. На полигоне всё работает. На войне – как повезёт. Виктор знал это лучше других. Он тестировал «Калибр» в идеальных условиях. Лёва тестировал его в реальных.

Пока кнопка не нажата – надежда жива. Надежда на три слова: «Папа, я успел». Которых Виктор никогда не слышал, но которые придумал себе за эти три месяца. Он повторял их каждый вечер перед сном. Иногда – вслух, одними губами,

чтобы Ирина не услышала. Иногда – про себя, как молитву, как пароль, как шестнадцать символов, которые открывают доступ не к прошивке, а к чему-то другому. К чему – он не знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.